

КОНЦЕПТ «СОБАКА» КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н.И. Маругина

Аннотация. Рассматриваются вопросы смыслового диапазона и культурной значимости концепта «собака» в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, этнокультурная метафора, фрейм.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта, который понимал язык как «орган, образующий мысль». По Гумбольдту, зависимость языка от мышления обуславливает концептуальную интерпретацию действительности человеком и формирует картину мира, или, в его терминологии, внутреннюю форму языка. Картина мира, смоделированная средствами языка, исторически складывающаяся в обыденном сознании представителей отдельного языкового общества, отражает всю совокупность понятий о мире и выступает как определенный способ концептуализации действительности [1. С. 256].

В начале 1930-х гг. Л. Вайсгербер, опираясь на учение о внутренней форме языка и идею об этничности языкового содержания В. Гумбольдта, построил и развил свою теорию языковой картины мира. Л. Вайсгербер первоначально был сторонником точки зрения, что «главную предметную основу для картины мира» создает внешний мир, т.е. окружающая нас «природа, географические условия, в частности климат, мир животных и растений» [2. С. 251]. Впоследствии Л. Вайсгербер начинает подчеркивать значимость мировоззренческой стороны языковой картины мира, которая заключается в том, что каждый народ имеет свой взгляд на мир. Эти знания, это духовное содержание, закрепляемое языком, передаются из поколения в поколение, образуют концептуальное ядро языковой картины мира.

В современных исследованиях, посвященных языковой картине мира (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, Е.В. Рахилиной, А.Д. Шмелева и др.), ученые апеллируют к нескольким факторам ее создания и состояния. Прежде всего, делается акцент на двойственном характере языкового способа концептуализации действительности: с одной стороны, он универсален для всех языков, с другой – национально окрашен. Представители разных языков и культур оценивают и видят мир через призму своих языков и изображают действительность иначе, чем это делается в других языковых коллективах.

Другой аспект рассмотрения картины мира связан с ее воздействием на когнитивную и практическую деятельность носителей языка. При рассмотрении данного аспекта особое место отводится когнитивной

лингвистике, для которой характерен подход к мышлению человека как к механизму обработки знаний. Понятия, управляющие нашим мышлением, нашей повседневной деятельностью, структурируют, упорядочивают и объективируют знания о мире. В механизмах обработки понятий базовым принципом является метафора, которая рассматривается как наиболее продуктивный способ организации и представления языковой картины мира, возникающей в результате когнитивной обработки и манипулирования уже существующими в языке значениями для создания новых концептов, новых смыслов. Актуальность обращения к метафоре с целью исследования языковой картины мира состоит в том, что она рассматривается как механизм моделирования процесса познания и преобразования мира, как призма, посредством которой осуществляется «акт миропонимания» [3. С. 179].

Основу языковой картины мира могут представлять те знания, которые закреплены в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний. Данные семантические поля могут быть по-разному структурированы в различных языках. «Человек постигает этот упорядоченный мир посредством лексической системы своего языка, ибо только слово дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычлнить свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее» [4. С. 65]. Наше сознание, антропоцентрическое по своей природе, вычлняет, структурирует и упорядочивает предметы и явления действительности, соотнося их с пространством и временем мира, с природными объектами, с животным миром, словом, всем тем, что окружает нас и что обладает качественными, динамическими и ценностными свойствами. В трудах А.А. Потебни, В. Гумбольдта, Э. Бенвениста, М. Хайдеггера, А. Вежбицкой и др. слово рассматривается не в качестве отпечатка предмета, а в связи с создаваемым словом чувственным образом, воображаемым и воспринимаемым человеком. Процесс определения и наименования предметов действительности подобен акту творения и созидания. Именно так, по их мнению, формируется языковая картина мира.

Элементом языковой картины мира можно считать отдельное ключевое слово, представляющее концепт, который входит в ядро лексической системы языка в совокупности с его ассоциативными связями.

В ментальном лексиконе человека концепты, получившие языковую форму, служат, по крайней мере, для осуществления двух важнейших функций: репрезентации содержания отдельного кванта информации о мире, а также ее складирования, хранения, накопления и оперирования тем же содержанием в мозгу человека во время речевой деятельности.

«Под “концептом” понимается некая “универсалия”, “общая идея”, закрепленная в ментальности, психике, языке и воспроизводящая картину мира и стереотипы поведения того или иного этноса. Слово или действие

становится “концептом” только в процессе коммуникации, поскольку коммуникация приводит в движение “пучок” представлений, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают данное “ключевое слово” или действие» [5. С. 133].

Анна Вежбицкая указывает на особую значимость ключевых слов для отдельно взятой культуры. Она пишет, что «принцип, связывающий лексический состав языка и культуру, – это принцип ключевых слов», они «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [6. С. 283–284]. Данные центральные точки представляют собой не что иное, как языковые стереотипы, характерные для определенного этноса и культуры, при активизации которых в мозгу человека высвечивается вся когнитивная карта, семантическая сеть, позволяющая обозначить специфические черты того или иного понятия. Понятие культуры в данном случае будет обозначать «исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [6. С. 43]. Процесс вербализации концепта происходит при помощи метафорических моделей, используемых представителями различных этнокультур.

По определению О.А. Свирепо, этнокультурная метафора – важный элемент языковой картины мира, она отображает способ членения и классификации реальности, принятый в рамках языкового сообщества. В этнокультурных метафорах находят свое выражение мифологические представления данной культуры и народа. Этнокультурная метафора существует на двух уровнях:

1. Первый уровень (поверхностный) представлен языковыми, стандартными метафорами, а также образами, входящими в состав идиом, фразеологических единиц, пословиц, поговорок и т.п., – это уровень картины мира.

2. Второй уровень (глубинный) составляют концептуальные (базовые) метафоры, определенным образом упорядочивающие и организующие знания о мире, – это уровень модели мира [7].

Базовая этнокультурная метафора хранит в себе накопленную многими поколениями систему взглядов, созданную на основе образного видения предметов реальности. «Образность, закрепленная в загадках, отгадках, пословицах, идиоматических выражениях, обусловила наличие универсальных в различных языках мира серий метафор, которые связаны с живой природой, среди которой живет человек (лес, горы, пустыня, тундра, джунгли), животным миром и растительностью, которые соотносятся с моделями поведения и родом занятия человека. К примеру, названия частей тела развили способность обозначения части рельефа (*горный хребет, устье и рукав реки, подошва горы, перешеек, губа (бухта или залив), обочина (от бок), нос (мыс)* и т.д.)» [7].

Уже сам отбор предметов и образов, закреплявшийся в языке сотни лет, приоткрывает многие стороны того сложного процесса, в котором органически могут соединяться и взаимодействовать внешние факторы и языковые традиции. Способ восприятия действительности и моделей поведения, характерных для членов этнического коллектива и их образа жизни, является единственно возможным и стандартным. Так, для ментальности русского народа особую значимость и продуктивность получила концептуальная метафорическая модель «человек – это животное/зверь».

Наличие в русском языке и многих других языковых картинах мира базовой метафоры «человек – это животное/зверь» говорит о том, что первоначально, в процессе становления этносообществ и развития их культур, люди жили неустроенной, сходной со зверьми жизнью, поэтому осмысление мира человека осуществлялось главным образом через понятийную сферу животного мира.

Осмысление мира человека происходит через понятийную сферу животного мира, через всю историю человеческой культуры. Животный мир выступает в качестве универсального культурного принципа метафоризации, охватывающего концептуальный каркас картины мира отдельного языкового коллектива. Слова-концепты народной культуры не могут ограничиваться строгими дифференциальными культурно-маркированными признаками. Отталкиваясь от оценочных стереотипов, некоторые зоосемизмы, функционирующие как ключевые слова культуры, оцениваются носителями языка неоднозначно. К примеру, бык – это не только сильное, выносливое, но и свирепое животное. Льва отличает не только его царственная, гордая, но и благородная натура.

Метафорическая модель «человек – это животное/зверь», являющаяся регулярным семантическим отношением в русском языке, может демонстрировать способность к развертыванию, т.е. стремиться к репрезентации и использованию целой палитры животных, выступающих в данной модели в качестве ключевых слов, центральных точек культуры, которыми оперирует носитель данного языка. В русском языковом коллективе преобладают сравнения человека с такими животными, как *медведь, осел, лиса, свинья, заяц* и др. Данные зоосемные единицы обозначены как ценностно значимые стереотипы, получившие статус национально-культурного эталона в русской языковой картине мира. К примеру, в сознании русского народа существуют представления о медведе с присущим этому животному эталонным свойством неуклюжести, об осле как о бестолковом и упрямом животном, лиса ассоциируется со свойственной ей главной чертой – хитростью, о свинье мы говорим как об эталоне непристойного поведения и нечистоплотности, о зайце – как о самом трусливом животном. Г.Н. Складаревская считает, что «прежде чем назвать хитрого человека лисой, трусливого – зайцем, неуклюжего – медведем и т.п., нужно связать эти качества с животными – то есть квалифицировать каждое животное соответствующим образом» [4. С. 48]. Предмет квалифика-

ции будет формировать символ метафоры, который связывает метафорическое значение с исходным. «Символ метафоры – это элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [4. С. 47].

Метафорический перенос «человек – это животное/зверь» отмечен не просто регулярностью в языковом применении, но и стремлением создать единый способ мировосприятия. В центре аспектуализации подобной метафоры всегда прослеживается тенденция противопоставить животное человеку. Наиболее ярко данное противопоставление может проявляться в оценочной (образной) метафоре. Семантический признак «животного начала» высвечивается в номинациях неодушевленных предметов, действий, внешних и внутренних характеристик людей, звуков человека. Л.П. Балашова отмечает, что «именно в этой области метафорические наименования стремятся выйти за пределы предметной лексики и дать характеристику психическому, эмоциональному состоянию человека, оценить человека как личность» [8. С. 13].

Семантические описания концептов должны дать по возможности полное знание о понятии, существующем в сознании носителей культуры, – знание, выраженное в определенных языковых стереотипах, символических значениях, которыми могут обладать как ключевые слова, так и словосочетания, а также единицы фразеологического фонда словарного состава языка.

При исследовании языковой картины мира отдельно взятого языка необходимо обратить внимание на ту область, которая организована метафорическими потенциями отдельно вычлененных ключевых слов, обладающих функциональной регулярностью в данном культурном пространстве. Это позволяет нам выявить основные семантические характеристики ключевых слов, не ограничиваясь только вычленением отдельных дифференциальных признаков, но также установить более широкий круг символических значений слов-зоонимов, неожиданные и контрастные семантические сочетания, проявляющиеся в национально-культурном сознании носителей языка.

Наряду с зоосемными единицами, такими как *конь, корова, кошка, бык, козел, осел, медведь, свинья, заяц*, зоосемизм «собака» относится к наиболее частотным ключевым словам в русской языковой картине мира. Встраивая метафорическую схему «человек – это собака», более узкую и уточняющую, в концептуальную модель «человек – это животное/зверь», мы пытаемся вычленить и синтезировать те ассоциации и характеристики, которые присущи концепту «собака».

Концептуальное содержание ключевого слова *собака*

«Рассуждая о концептах как о сложившихся дискретных единицах (ментальных образах) коллективного сознания, мы подчеркиваем их статику – каждая концептуальная единица занимает соответствующую ячейку в национально обусловленной концептосфере языка как совокупности ментальных репрезентаций, детерминированной запасом знаний, навыков и культурном опыте народа» [9. С. 23]. Более полное представление концепта можно получить, изучая не только лексемы, но и пословицы, в основе которых лежат концепты, не отличающиеся от тех концептов, которые объективированы словом, т.к. пословицы «с их тенденцией формирования единого понятия (концепта) реализуются в виде тех же когнитивных структур, что и лексемы» [9. С. 24].

За каждым концептом стоит фрейм – рамка, в которую включается совокупность хранимых в памяти ассоциаций. Фрейм сосредоточивается вокруг архисемы, которая репрезентируется единицами ряда лексико-семантических групп. Примером фрейма может выступать фрейм, репрезентируемый ключевым словом *собака*.

В данном случае в качестве сферы-источника метафорического переноса выступает концепт «собака», находящийся в родовидовых отношениях с концептом «животное». В связи с этим можно утверждать, что в целом структура концептов «животное» и «собака» совпадает (при наличии определенной сферы пересечения), различаясь содержательным наполнением соответствующих слотов. Слоты фрейма концепта «собака» включают значительный объем образных оценочных, символических компонентов, о чем свидетельствуют: 1) типовые контексты употребления слова *собака*; 2) состав метафорических модификаций исходного номинативного значения лексемы *собака*; 3) состав фразеологических метафорических единиц, включающих слово *собака*; 4) состав пословичных контекстов слова *собака*.

Для того чтобы охарактеризовать образный компонентный состав концепта «собака» как функционально значимый слой сферы-источника при метафорическом переносе, охарактеризуем состав слотов. Более или менее подробный набор слотов фреймовой структуры концепта «собака» включает следующие слоты:

1. **Внешний вид, части тела животного (собаки)** – порода, морда, пасть, клыки, зубы, оскал, глаза, уши, нос (обладает хорошим нюхом), лапы, хвост, брюхо/пузо, шерсть, окрас, когти.

2. **Место обитания животного (собаки)** – дом человека, вблизи дома человека, на улице, в конуре.

3. **Голосовое проявление животного (собаки)** – лаять, гавкать, тявкать, рычать, выть, визжать, пищать, скулить.

4. **Действия/движения, осуществляемые животным (собакой)** – сидеть, стоять, бегать, дрожать от холода, встряхивать шерсть, прыгать,

вставать/ходить на задних лапах, ловить блох (активно покусывая свою шерсть), вилять хвостом, «гоняться за своим хвостом» в поисках блох (движение винтовое), почесывать лапой шерсть (уши, шею, грудь, бока, брюхо), облизывать себя («мыться»), поднимать уши (настораживаться), склонить голову, грызть, кусать, рвать, лизать, лакать.

5. *Состояния, испытываемые животным (собакой)* – страх, агрессия, гнев, радость, тоска.

6. *Образ жизни животного (собаки)* – преимущественно тяжелая, голодная, плохая, разгульная, свободная.

7. *Группы, скопления животных (собак), родство* – стая, свора, щенки, щенята.

Значимость данных смыслов в структуре концепта подтверждается результатами проводимых психологических экспериментов. Базовый образ концепта «собака», выявленный В.В. Першаевой на основе приема экспериментального определения психологически реального значения (значения во всем его объеме, связываемое с материальной оболочкой слова в сознании человека), включает следующие характеристики данного животного: умное, верное, преданное животное, с острым нюхом и тонким слухом, лает, быстрая, выносливая, используется на охоте. В значениях зоосемизмов, как показал эксперимент, выделяются семы твердые, относительно твердые и неопределенные. К относительно твердым семам, которые включены в концепт «собака», можно отнести следующие: бегаёт с высунутым языком, виляет хвостом, сильная, лохматая, кусается, стережет свой дом и др. [10. С. 53–55]. Данные ассоциативные признаки, присущие такому животному, как собака, связаны с восприятием носителями языкового коллектива этого животного в действительном мире. Обитание собаки вблизи человека и полная ее прирученность людьми, возможность постоянно наблюдать за ее поведением помогли найти основания для установления некоторого соотношения концептов «собака» и «человек» в языковом плане.

Наличие и языковая значимость данных компонентов проявляются и в типовой реализации лексем, репрезентирующих ключевые элементы слотов, в типовых словосочетаниях и контекстах русского языка: *лай собаки, тьяканье щенка, собака скулит, собака воет по покойнику, грызть косточку, собака кусает за ногу, собака укусила прохожего, собака стоит на задних лапах, свора борзых собак* и под.

В языковой картине русского народа смогли оформиться выражения с ключевым словом *собака*, в которых оно употребляется в номинативном значении для характеристики данного животного, и примеры метафорического употребления, где лексема *собака* заимствуется и применяется для описания человеческих качеств и моделей поведения.

В номинативном значении лексема *собака* (домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, охоты) встречается в таких выражениях, как *дворовая собака, охотничья*

собака, дикая собака динго, служебная собака, декоративная собака, лабораторная собака, цепная собака, сторожевая собака, а также: бдительная, злая, подвижная, выносливая, спокойная, сдержанная, массивная, крупная, смелая, умная и т.п.

Интересно заметить, что в узусе для обозначения домашнего животного семейства псовых используется еще одна лексема – *пес*. Существуют разные мнения об исходном значении слова *пес*. Одни исследователи полагают, что первоначально данное слово означало «сторож», другие считают, что животное могло быть названо по окраске «пятнистый», третьи находят связь с лексемами «скот», «домашнее животное», доказывая, что *пес* был первым прирученным человеком животным [11. С. 432]. Можно предположить наличие различных коннотативных компонентов у данных лексем. Собака – животное, имеющее своего хозяина, свое место, а *пес* может ассоциироваться с животным бездомным, агрессивным, лохматым, в репьях. Известный философ античной Греции Диоген считал бездомную бродячую собачку символом свободы.

«А.В. Медведева, рассматривая употребление лексем *собака* и *пес* в устойчивых сочетаниях, пришла к выводу, что концепт ключевого слова *собака* отражает не только черты, присущие названному животному, но включает в себя весьма богатую и интересную символическую компоненту, сформированную людьми за длительные периоды общения со своими четвероногими друзьями» [12. С. 104]. Отличие их состоит в употреблении: в прямом номинативном значении при актуализации денотативного компонента лексема *собака* употребляется в таких выражениях, как *служебная собака, дворовая собака, дикая собака динго*; лексема *пес* в устойчивых выражениях в номинативном значении не употребляется, она приобретает в них коннотативный смысл. К примеру, в выражениях типа *сторожевой пес, верный пес* скрыты механизмы метафорического переноса качеств и поведения животного на человека. «Став уже реалией языка, номинации этого животного последовательно преобразовали свое значение от денотативного к коннотативному» [12. С. 107]. Судя по широте использованных новых значений и контекстов, по частоте употребительности в речевых ситуациях, данные лексем приобрели символическое значение: «символический смысл лексем *собака* и *пес* вытекает не из природы самого животного, а из места, которое оно занимает в обществе» [12. С. 107].

В концептосфере носителей русского языка, прежде всего, фиксируется представление о собаке как о чрезвычайно преданном и верном, неизменном друге человека. Символические смыслы преданности отражаются в языковой памяти культуры только в выражениях и сочетаниях, где ключевое слово *собака* употребляется в номинативном смысле. Сюда можно отнести истинное суждение *Собака человеку неизменный друг*. Человек приручил и полюбил собаку за ее исключительные качества, такие как преданность, выносливость, неприхотливость, отличный слух и ост-

рое обоняние. Эти животные могут приспосабливаться к любым условиям обитания и источникам питания (всеядное животное). Но каким бы преданным существом она ни была, символическое восприятие собаки в качестве эталона верности и преданности не находит места в языковой традиции русскоговорящих – «ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека собакой» [4. С. 60].

Так как концепт «собака» является видовой конкретизацией концепта «животное», то очевидно их содержательное пересечение, в концепте «собака» вариантно воплощаются смыслы «животного начала», ассоциативно связываясь с целостным образом собаки как носителя этих признаков.

Состав образных символических компонентов концепта «собака» определяется анализом мифологических интерпретаций образа собаки, а также анализом собственно языковых образных переосмыслений.

В качестве источников мифологической интерпретации образа собаки рассматривались мифологические словари, работы по мифологии древних славян, а также конкретные исследования, посвященные мифологическому образу данного животного [13–15].

Одним из устойчивых мифологических представлений является «представление о нечистоте пса, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии». Б.А. Успенский подчеркивает особую отчетливость выражения этого смысла в христианском культе: пес противопоставлен святыне, ассоциируется с язычниками и вообще с иноверцами, что прослеживается уже в Новом Завете. Исследователь отмечает, что «особенно показательно в этом отношении выражение “песья вера”, которое бытует в славянских языках в качестве бранного выражения, относящегося к иноверцам... В основе этого выражения (“песья вера”), по-видимому, лежит представление о том, что как у собаки, так и у иноверца нет души в собственном смысле этого слова: “душа” и “вера” вообще непосредственно связаны по своей семантике, то есть понятие веры предполагает наличие души, и наоборот; душа собаки (или вообще всякого животного) и иноверца называется *пар* или *пара*, и, соответственно, выражение “песья пара” выступает в славянских языках как ругательство, синонимичное выражению “песья вера”» [15. С. 51–52].

Рассмотрим единицы метафорического фонда, включающие употребление ключевого слова *собака* в языковой картине русского народа. В языке оформились метафорические выражения, отражающие особенности поведения человека через образ собаки как зверя, являющегося частью животного мира. К таким выражениям можно отнести:

1. Языковую метафору, представленную ключевым словом *собака*, которая функционирует в форме просторечного употребления лексемы *собака* как инвективного (бранного) слова, с одной стороны, а также для выражения восхищения, одобрения – с другой. Символом метафоры становятся отрицательные семы «жестокий, дурной, злой» в случае, когда

языковая метафора употребляется при неодобрительном отношении к собеседнику или к тому, о ком говорят коммуниканты. Эксплицитным символом языковой метафоры *собака* для выражения восхищения и одобрения становится коннотативный ореол, состоящий из положительных сем «знающий, ловкий, умелый, искусный» [4. С. 60].

2. Языковую метафору, представленную ключевым словом *собака*, употребляемую в просторечном русском языке, которая имеет двойственный характер функционирования в культурном пространстве носителей данного языка, т.к. можно выделить две семы, обладающие символическим значением: сему «все, каждый» в выражении *каждая или всякая собака* и, напротив, сему «никто» в выражении *ни одна собака*.

Кроме этого, в языке оформилось еще одно выражение, которое обозначает количественное содержание чего-либо, кого-либо (преимущественно людей) – *как собак нерезаных*, употребляемое также в просторечном языке в значении «очень много». Данные примеры маркированы в языке отрицательной коннотативной оценкой, с их помощью выражается эмоциональное состояние говорящего, его отношение к предмету или объекту речи.

Механизм образования метафоры, существующий в языке, распространяется и на фразеологию. Фразеологизмы отличаются наличием образности, эмоциональной и стилистической окраски, они имеют не только назывную, но и оценочную функцию, выражая отношение говорящего к предмету речи.

Очень часто метафора лежит в основе семантики фразеологической единицы – идиомы. Характер этой метафоры в значительной мере отличается от образной, «свободной»: она становится стандартной, теряет индивидуальность, сохраняя при этом образность. Во фразеологизме перенос значения происходит по сходству целых ситуаций, выраженных чаще всего словосочетанием [16. С. 78–80]. Идиомы, функционирующие в языке, как правило, утрачивают индивидуальность, т.к. находятся в постоянном пользовании языкового коллектива.

Центральный компонент идиомы – ключевое слово – может приобретать новое референтное значение, которое не выводится из структуры самой идиомы. Интересны в указанном смысле идиомы с ключевым словом *собака*, функционирующие в культурном пространстве русскоговорящих. *Вешать собак на кого-либо* – возводить необоснованные обвинения, клеветать, перекладывать вину на кого-либо. В данном словосочетании ключевое слово *собака* скрывает в себе негативную компоненту, сопряженную с морально-этическим миром говорящих. Другая возможность употребления ключевого слова *собака* маркирована как положительной, так и отрицательной коннотативной окраской. Выражение *собаку съест* означает «быть знатоком чего-либо, приобретение основательных знаний в чем-либо, умений, навыков, большого опыта». Действуя аналогично языковой метафоре *собака* (человек – знаток своего дела),

выражение *собаку съест* не имеет связи с понятийной сферой «еда, трапеза», а помещается в сферу «умственных, интеллектуальных способностей». Ключевое слово *собака* в этом случае воспринимается как номинация источника «знаний, умений, таланта». В то же время можно говорить и об амбивалентной маркированности концепта «собака»: он одновременно может обладать и положительной, и отрицательной коннотативной окраской.

Еще одним примером выражения с немотивированным значением слова *собака* является идиома *вот где собака зарыта*. Данное выражение – калька с нем. *Da liegt der Hund begraben*, проникшее в русский язык во второй половине XIX в. Возникновение выражения связывают с мифологическим представлением о черном псе – «оборотне», нечистой силе, охраняющей зарытый клад. Затем переносно слово *Hund* (собака) стало обозначать и сам клад. Буквально оборот тем самым обозначал – «Вот где спрятано сокровище».

Употребление идиом с ключевым компонентом *собака* часто сопровождается актуализацией семантических признаков «усиления действия». К примеру, сравнение *как собака* в сочетании с некоторыми глаголами и прилагательными фиксирует способы совершения действия, обозначая «совершенно, совсем, очень сильно» (*устал как собака, голоден как собака, злой как собака, надоел как собака, гуляет как собака, ругается как собака*).

Другим примером сравнения, в котором прослеживается эталонный образ собаки, является идиома *как собака на сене*. В категориях русской культуры негативная оценочность свойственна большинству фразеологических единиц блока с ключевым словом *собака*. Так, в соотношении с установками русской культуры, стереотипами и символами, человек, который не пользуется каким-либо предметом и другим не дает возможности пользоваться им, мыслится в образе собаки.

Некоторые идиоматические выражения имеют в своем составе ключевой компонент – лексему *собака*, которая не содержит образную основу и употребляется в составе идиомы в номинативном значении. При экспликации смысла идиоматического выражения ключевое слово *собака* соотносится не только со сферой животного мира. Необычность употребления ключевого слова заключается в ослаблении номинативного смысла и соотношении его с таким значением, как «трудность в выполнении действия» в идиоме *с собаками не сыщешь*.

Устойчивая сочетаемость и использование ключевой лексической единицы *собака* в просторечии позволяют нам обратить внимание на ряд фразеологических единиц, в фокусе которых данное слово концептуализируется как объект «ненужности, бесполезности» в выражениях *нужен как собаке пятая нога, собаке/псу под хвост*.

Часто ключевое слово обладает деривационным потенциалом и может послужить созданию словообразовательной метафоры. Так, ключевое

слово *собака* мотивирует создание глагольных метафорических форм *собачить* (груб. прост. «ругать, бранить») и *собачиться* (груб. прост. «ругаться, браниться»). Формально маркированные компоненты значения, содержащиеся в существительном *собака*, переносятся на компоненты значения глагольных форм. В данном примере основными мотивировочными признаками метафорического переноса служат семы «агрессивность», «грубость».

Отметим далее наличие предикатной метафоры, созданной на основе словообразовательного способа. Здесь мы имеем дело с семантикой производного *собачий*, в котором метафорический признак вообще десемантизируется, утрачивает конкретное значение, при этом выдвигается на первый план сема усилительности или общей пейоративной оценки. В данных номинациях актуализируются следующие смыслы:

1. Подлый, презренный, низкий (*собачья измена, собачья должность*).

2. Очень трудный, тяжелый, невыносимый, сильный, крайний в своем проявлении (*собачья жизнь, собачьи условия, собачья усталость, собачий холод*).

3. Крайне отрицательное отношение к предмету речи (в бранных выражениях *к чертям собачьим, какое твоё собачье дело?*).

4. Проявленное в наивысшей степени свойство (способность чувствовать что-либо) употребляется в просторечии *собачий нюх* в значении у кого-то обостренное чутье на что-либо [4. С. 61].

Таким образом, анализ данного языкового материала позволяет дополнить выделенные концептуальные признаки ключевого слова *собака*. Во-первых, как было уже отмечено, большинство устойчивых выражений с ключевым словом *собака* имеет яркую отрицательную оценку. Источником отрицательной оценки служит сама оппозиция «человек – зверь», восходящая к библейским мотивам, «где человек создан по образу и подобию Божию, а Зверь – одно из имен дьявола» [17. С. 143]. Во-вторых, некоторые сочетания с ключевым словом *собака* передают эмоциональное настроение говорящего (преимущественно негативное). В-третьих, употребление ключевого слова *собака* может быть связано с семантикой сокрытия правды, чего-либо тайного, перекладывания необоснованных обвинений на другого человека, клеветой. В-четвертых, ключевое слово *собака* связано с семантикой слов, обозначающих действия трудные, ненужные, бесполезные. В-пятых, ключевое слово *собака* связано с положительной оценкой при одобрительном отношении к человеку ловкому, умному, знающему.

Разработка языкового концепта *собака* в картине мира русского народа, преобладание в концептуализации определенной базовой метафоры объясняют сосуществование внутри одного фрейма противоположных, а также многополюсных по характеру оценок. Как правило, различия в системе оценок внутри одного и того же фрейма основаны на особенностях

мировосприятия культурной общности и интерпретируются через соотнесение с установками и знаками культуры. В качестве знаков культуры могут рассматриваться стереотипы, символы, мифологемы, эталоны, репрезентирующие смысловые доминанты концепта «собака».

Смысловые доминанты концепта «собака», отраженные во фразеологическом фонде картины мира русского народа

Композиционно фреймовая структура концепта «собака» может включать следующие слоты:

Слот 1. Образ жизни животного – жизнь преимущественно плохая, тяжелая, но в то же время разгульная, свободная.

Признаки горькой судьбы, беды актуализированы в выражении *Житье хуже поповой собаки*. Сферой-источником метафорического переноса является традиционный неустроенный образ жизни собаки. Пословица характеризует жизнь людей, их жалкое, убогое существование, социальную и материальную неустроенность.

Сферой-источником метафорического переноса является не только образ жизни собаки в целом. Одной из центральных понятийных сфер, коррелирующих со сферой-источником традиционного образа жизни собаки, является сфера-источник «еда». Собака, пребывающая в полуголодном состоянии, нуждается в постоянном поиске пропитания. Характеристики вечно голодной, неустроенной жизни определяют смысл следующих пословиц: *С голодьбы и собака со двора сбежит; Недаром и собака кость гложет; Дан собаке мосол – хоть ешь, хоть гложи, хоть вперед положи*.

Смыслы данного слота отражаются в пословицах, которые служат для характеристики широкого спектра присущих человеку негативных черт: зависти, жадности, скупости, прожорливости. Наличие большого количества фразеологизмов, пословиц, характеризующих человека в аспекте его негативных качеств с использованием сферы-источника образа собаки и сферы-источника «еда», свидетельствуют о том, что образ собаки в русской языковой картине мира непосредственно соотносится с ними и включает данные признаки. Рассмотрим несколько пословиц, отражающих данные смыслы.

Такие качества, как жадность, скупость, присущие человеку, актуализированы в следующих поговорках: *Богат, как Крез, а живет, как пес; Как собака на сене лежит: и сама не ест и другим не дает*. В данный слот можно отнести и сравнительный оборот *как собака на сене*. Сено (скошенная и высушенная трава для корма скота) не является основным видом пищи собаки. В силу этого, сено символизирует необязательный атрибут жизни собаки, сравните: *Скряге деньги, что собаке сено*.

Такие качества, как жадность, прожорливость, ненасытность рассматриваются через призму того, что собака употребляет в пищу: *Захотел*

от кошки лепешки, от собаки блинов. Блины – одно из любимых лакомств как собаки, так и человека, поэтому в следующих пословицах отражаются как признаки эмоционального состояния собаки в момент приема пищи, так и признаки жадности и прожорливости: *Обрадовался, что собака блину; Надолго собаке блин.*

Признаки ненасытной, прожорливой природы собаки аспектуализируются в пословице *Сколько собаке не хватать, а сытой не бывает.* Человеческая жадность и ненасытность рассматриваются не только через призму того, что ест собака, но и того, что она пьет, например: *На собаку мяса не напасешься; Не вылакает собака реки, так всю ночь стоит над рекой да лает; Собака и в море локчет, да не все же выпьет.* Сытый и довольный жизнью человек сравнивается с собакой, которая, насытившись, даже перестает подавать голос: *Брось псу кусок, так и не лает.*

Образ собаки является сферой-источником осмысления небольшого достатка человека, что отражается в следующих пословицах: *Богат Мирошка, а животов – собака да кошка; Живет Ермошка (или Игошка): есть собака да кошка.* Данные поговорки свидетельствуют о том, что в языковой картине русскоговорящих закрепилось представление о человеке, обладающем всего лишь собакой и кошкой, как об очень бедном, неимущем. Отсюда следует, что образ собаки выступает в качестве символа нищеты.

Другая сторона жизни собаки, более достойная и сытная, маркируется фразеологическими выражениями *Собака достойна корму; Какова псу кормля, такова его и ловля.* Признаки достатка, сытой, обеспеченной жизни отражаются в поговорках *Не с работы тощает, а с жиру бесится (собака); И псу конурка, и коту печурка.* Признаки обеспеченности в жизни сочетаются с проявлением некоторого недовольства в таких пословицах, как *Легко псу, да несытно (или: да неужжно); Уедно псу, да неужжно.* Нужно заметить, что в данных пословицах смыслы сытости сочетаются с другими негативными аспектами жизни собаки, например дискомфортом.

В картине мира русского народа собака в аспекте полуголодного образа жизни противопоставляется кошке, коту как воплощению образа комфорта, уюта, спокойствия, сытости, довольства. Сравните: *Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет; Собака обжора, а кошка сластена; Кошкам по ложкам, собакам по крошкам, нам по лепешкам.*

Пословицы, характеризующие жизнь человека и его кончину: *Жил собакой, окошел псом; Собаке собачья и смерть,* отражают тяжелую судьбу и неустроенную жизнь людей. Сфера-источник традиционного образа собаки служит основанием для метафорического переноса в приведенных выше пословицах. «Жить собакой» означает прожить жизнь в бедности, нищете. Выражение «собачья смерть» интерпретируется как смерть, уход из жизни без покаяния в силу того, что у собаки нет души, нет веры.

Смыслы данного слота отражаются устойчивыми сочетаниями, используемыми в речи носителей русского языка для характеристики тяже-

лой, нищей, неустроенной жизни: *собачья жизнь, собачьи условия, собачьи пожитки, устал как собака, голоден как собака.*

Жизнь собаки сопряжена с проявлениями тоскливого, унылого поведения. Известно, что данное животное может испытывать чувство тоски по своему хозяину, по месту, где живет. В следующих поговорках отмечаются такие черты данного животного, как преданность, любовь к родному краю: *Своя сторонюшка и собаке мила; И собака свою сторону знает; На чужбине и собака тоскует; С родной сторонки и ворона (и собачка) мила.*

Часто метафорически *собакой* называют человека, который ведет разгульный образ жизни, не имеет определенного рода деятельности. Этот факт отражается в пословицах, которые характеризуют в основном холостых мужчин и мужей. К примеру, отрицательный образ мужа с приведенными выше характеристиками сохраняется в пословице *Не муж бы был, не собакою бы слыл.* Интересно заметить, что в русской языковой картине мира человека, не имеющего определенного рода деятельности, характеризуют следующим образом: *Пошел на собак сено косить; Пошел на собаках шерсть бить.* Приведенные примеры свидетельствуют о факте столкновения разных смыслов, передаваемых сочетаниями *на собак сено косить, на собаках шерсть бить.* С одной стороны, мы сталкиваемся со смыслами пословиц, характеризующих ленивого человека, а с другой – данные пословицы передают идею о работающем с утра до вечера человеке.

Сравнительный оборот *Погулял, как собака на своре* характеризует, с одной стороны, свободную, беззаботную жизнь, а с другой – распутного, подлого, низкого человека, совершающего предательский поступок, измену по отношению к другому человеку. Данное сравнение сопряжено с устойчивыми фразами *собачья измена, собачья свадьба*, которые обладают частотностью в языковом применении в культуре русского народа.

Часто собака была битой. Данная характеристика коррелирует с устойчивым признаком «агрессивность», присущим собаке в отношении к человеку, которому везде и всегда причиняют обиду и боль. К пословицам, отражающим эту особенность, относятся: *Была бы собака, а камень найдется; Коли быть собаке битой, то найдется и палка; Кому надо собаку ударить – тот и палку сыщет; За собакой палка не пропадет; Любить, как собака палку; На кого люди, на того и собаки.* В результате грубого отношения к самому животному, у объекта, над которым совершаются подобные жестокие действия, вырабатывается склонность к покорности, послушания, угодливости. Данный факт отражен в следующих пословицах: *Битому псу только плоть покажи; Битый пес догадлив стал; Кабы ему песий хвост, так сам бы себе бока настегал.* Через образ собаки рассматривается снисходительное отношение к человеку, на котором лежит вина за совершенный им поступок. Данные смыслы отражаются в выражениях *Собака есть, да камня нет; Собака есть, да палки нет.*

Слот 2. Агрессивные действия животного (проявление гнева, неистовой злобы и свирепости).

Собака выступает в качестве сферы-источника при характеристике поведения человека. Проявляя злость, собака способна напасть, укусить и даже загрызть свою жертву, что становится основой для характеристики способности человека выражать агрессивность и жестокость. Метафорическое соотнесение данных качеств человека и собаки сосредоточено в следующей группе пословиц: *Не дразни собаку, так не укусит; Не замахивай палкой, и собака не укусит; Дразни собаку на цепи.* Нужно заметить, что и собака и человек проявляют агрессивность в ответ на внешний раздражитель. Пребывание в состоянии агрессии расценивается как защитная реакция по отношению к внешнему раздражающему фактору. В силу этого данное животное использует все методы защиты: громко лает, нападает и кусает. Очевидно, что выражения, характеризующие животное с подобной точки зрения, стали применимы и для людей, проявляющих агрессивность, отчаянную злобу, грубость и жестокость.

Негативный образ собаки используется для характеристики родственных связей и отношений, т.к. стереотипное представление о данном животном связано с проявлением свирепости, злости, агрессии. Родственные отношения просматриваются через призму животного мира, родственников называют собаками в силу того, что они ссорятся между собой, но в то же время живут в тесном контакте (группами). Данный факт отражен в пословице *Родня: наши собаки из одного корыта лакали.* Даже у очень доброго человека возникают порывы проявления гнева и агрессии, об этом свидетельствует пословица *И добрый сват – собаке брат.*

Образ сварливого, вечно недовольного, злобно настроенного человека просматривается через метафорическую проекцию «человек – собака». Так, например, расцениваются отношения между свекровью и невесткой: *Свекровь на печи, что собака на цепи.* Собака является символом брани, грубых отношений между родственниками, когда родственники пребывают в состоянии постоянной озлобленности друг на друга, к примеру: *Два свояка – а промеж их собака – два родственника, два близких человека, а не могут найти общий язык, всегда озлоблены друг на друга.*

Слот 3. Голосовое («речевое») поведение животного.

Метафорическое переосмысление голосового поведения собаки актуализирует негативный речевой образ, в основном связанный с лаем, т.к. лай является самым обычным звуковым сигналом собаки. С одной стороны, лай собаки соотносится с агрессивностью, а с другой – является реакцией на внешний раздражающий фактор, предупреждением о надвигающейся опасности. Собака лает, в первую очередь, в тех случаях, когда в ее настроении сочетаются настороженность, страх и агрессивность. Агрессивное голосовое действие собаки – лай – коррелирует с рядом поведенческих реакций: появление хищного оскала, напряженной позы жи-

вотного, вздыбленной шерсти и др. Собачий лай выполняет не только предупредительную функцию, но и выступает в виде смещенной реакции, связанной с радостным настроением. Лай собаки – это не только проявление самозащиты и обороны. Очень часто собака лает без причины, дабы «сотрясать воздух», облаивая всех прохожих подряд. Именно эти факты служат мотивировочной базой метафорического переосмысления лая собаки. В русской языковой картине мира собачий лай может ассоциироваться с клеветой, напраслиной, пустословием, ложью и сплетнями, что получило отражение в ряде пословиц. В следующих пословицах актуализируются признаки беспорядочного речевого поведения, сопряженного с пустословием, сплетнями: *Собака лает, от собаки слышит; Собака лает, ветер носит; Добрый пес на ветер не лает; Вольно собаке и на небо лаять; Про это уже и собаки лают; Собака лает, а бары едут; Вольно собаке и на владыку брехать; Собаке и на свой хвост вольно брехать.* Лексема «брехать», употребляемая в данных выражениях, означает «клеветать», «наговаривать», «сплетничать».

Вместе с тем лай собаки может осмысливаться как открытость в выражении мыслей и отношений наряду с ассоциациями, которые восходят к противоположному образу собаки – скрытному, агрессивному существу. Следующие пословицы содержат в своем контексте предостережения, советы: *Не бойся собаки брехливой – бойся молчаливой; Не той собаки бойся, что громко лает, той, что исподтишка хватает; Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит да хвостом виляет; Не говоря худого слова, да хватъ.* Данные пословицы свидетельствуют о стереотипном образе звукового проявления собаки, сопряженного с неустойчивым эмоциональным фоном, который варьируется от проявления радости до проявления крайней злобы и агрессии.

Слот 4. Трудолюбие – лень.

Образ собаки используется в качестве сферы-источника при характеристике характера человека и присущих ему таких черт, как трудолюбие, и, напротив, праздность и лень. Например, в пословице *Собака собаку в гости звала. – Нет, нельзя, недосуг. – А что? – Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забежать да лаять* ярко проявлен смысл склонности к безделью. Следующая пословица характеризует трудолюбивого человека как хорошего хозяина в доме: *Ворота пестрые, собаки новые, окна соломенны, крыша волоком.*

Работа в доме, ведение хозяйства человеком характеризуется в аспекте неумения, неопытности также через использование образа собаки, что отражено в пословице *Ремесло к собакам занесло.*

Глупый, дурной, не приспособленный к жизни человек характеризуется через сферу-источник «собака», к примеру: *С лихой собаки хоть шерсти клок; Будь хоть пес (хоть черт), лишь бы яйца нес.* Смысл пословицы *И в Иерусалиме собаки есть* может быть истолкован следующим образом: даже в святом месте есть пустые, никчемные люди.

Следующие пословицы характеризуют никчемного человека, от которого нет никакой пользы, через образ пса, что говорит о наличии более низкого положения его в сравнении с собакой. Например, *Камень – не уголье, пес – не баран; Ни пес, ни хорт, ни выжлец; Ни волк, ни пес.*

Слот 5. Умственные способности животного.

Положительную коннотативную окраску в русской культуре содержат те пословицы, в которых образ собаки служит обозначением мудрости, большого ума, опыта, зрелости. К примеру: *Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать.* Долгая жизнь собаки, полная лишений и неустроенности, приводит к приобретению с годами мудрости, ума. Человек, проживший долгую жизнь, испытавший и радость и горе, сможет дать правдивый и мудрый совет, к примеру: *Старый пес не обманет.* Верность и преданность одному человеку, одному делу в жизни – черта, которая присуща данному животному, может быть перенесена и в мир человека, например, *Стар пес, да верно служит.* Ассоциативная связь старости, мудрости и приобретенного опыта накладывает отпечаток невозможности управления и перевоспитания такого человека, что отражено в пословице *Старого пса к цепи не приучишь.*

Следующая пословица соотносима с особенностями долгой, тяжелой, неустроенной жизни, а вследствие этого со старостью физической, с изношенностью организма. Данные признаки лежат в основе характеристики старого человека или старой вещи, а выражение *Старее поповой собаки* является одним из наиболее частотных в языковом применении русскоговорящих.

Слот 6. Иерархические отношения животных (собак).

Данное животное существует по принципу «свой – чужой». Подобная модель присуща и социальной среде человека, в которой происходит деление на своих и чужих. В пословицах, приводимых для примера в связи с вышесказанным, представлена модель поведения и отношений между людьми (в основном между мужем и женой, близкими родственниками). Следующие пословицы носят рекомендательный характер: *Свои собаки грызутся, чужая не приставай; Своя собака лайся, чужая не впрядывай.*

Иерархическая упорядоченность жизни людей и животных может способствовать определению основных моделей поведения, которых они придерживаются. В пословицах, приведенных ниже, актуализируется стереотипная связь с образом собаки – неустроенная жизнь, низкое положение в иерархии: *По шерсти собаке кличка; Не мешайся деревенская собака промеж городских!* Бедные люди, образ их жизни характеризуются через сферу-источник «собака». Например, смысл пословицы *Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака* отражает то, что и бурлак – сирота, нищий человек принадлежит тому же роду и сословию, что и собака бездомная и голодная.

Следующий ряд пословиц также относится к характеристике людей по званию, роду, сословию. Собака принадлежит тому миру животных,

которые занимают низкое положение, например по отношению к человеку. Невозможность выйти за пределы низкого положения, убогого существования даже при внешнем присутствии блеска, шика отражена в следующих примерах: *Отсеки собаке хвост – не будет овца; Из собаки блох не выколотишь; Собака и в собольей шубе блох ищет.*

Анализируя пословицы и устойчивые сочетания, в состав которых входит ключевое слово *собака*, представленные во фреймовой структуре концепта «собака», можно наблюдать наличие следующих символических признаков, положенных в основу метафорического переноса и составляющих ассоциативное поле данного концепта:

1. Собака – символ нечистоты, безверия, бездуховности.
2. Собака – символ неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения.
3. Собака – символ свободной, беззаботной, разгульной жизни.
4. Собака – символ тоски.
5. Собака – символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий.
6. Собака – символ жадности, скупости, прожорливости.
7. Собака – символ свирепости, проявления гнева, агрессии.
8. Голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием.
9. Умственные способности животного – символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта.

В свете сказанного становится понятной функциональная выделенность ключевого слова «собака». Смысловый диапазон и языковая применимость ключевого слова достаточно широки. Данный факт отражен в рассмотренных нами пословицах, которые являются наиболее отрефлексированными в сознании и культурном пространстве русского народа. Большинство образных единиц восходит к базовой языковой метафоре «человек – собака», спаянной, целостной структуре существующей как глубинное, онтологическое объединение, обладающее этнокультурной спецификой.

Литература

1. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 397 с.
2. *Радченко О.А.* Язык как мироздание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 1997. Т. 1.
3. *Роль* человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 214 с.
4. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
5. *Цветкова М.В.* «Ключевые слова» и перевод поэтического текста (на примере стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2002. № 2. С. 133–141.
6. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.

7. *Свиренко О.А.* Этнокультурные метафоры. http://www.symballon.ru/image/publicat/press/svpr02_0htm
8. *Балашова Л.В.* Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX вв): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.
9. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. 41 с.
10. *Першаева В.В.* Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке // Сб. науч. тр. «Аспекты лексического значения». Воронеж, 1982. С. 53–58.
11. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. шк., 1989. 511 с.
12. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.
13. *Шанарова Н.С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2003. 624 с.
14. *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель; АСТ, 2000. 528 с.
15. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Антимир русской культуры. М., 1982. С. 43–69.
16. *Черданцева Т.З.* Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М., 1989. С. 78–92.
17. *Опарина Е.О.* Роль культурного компонента в семантике метафор // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 91–94.

THE CONCEPT «DOG» AS THE ELEMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Marugina N.I.

Summary. The questions of the semantic spectrum and cultural significance of the concept «dog» in the Russian picture of the world are dealt with.

Key words: language picture of the world, concept, ethnocultural metaphor, frame.